

Мужчина не смог скрыть своего смущения от неожиданной реакции Чжэ Хуна.

— О, нет... Вот почему я даю понять, что эта рабыня моя.

— Я знаю... Рабы принадлежат своим хозяевам, верно?

— Да, да...

— Тогда, проступок раба должен рассматриваться как вина хозяина, верно?

— Нет!

Впервые мужчина открыто нахмурился на Чжэ Хуна, который злобно улыбнулся. С таким поведением Чжэ Хун почувствовал, что его противник потерял самообладание.

— Посмотри на мои лодыжки. Твой раб испачкал их, и теперь они в крови. Как смеет раб хватать и осквернять тело старшего сына сенатора?

— Нет, это...

— Ваш закон разрешает это?

— Это, это...

Мужчина потерял дар речи и не знал, что делать.

Чжэ Хун знал, что все так и будет.

Даже в наше время мало кто запоминал законы, если только они не были адвокатами.

В большинстве случаев только те, кто покупал таким образом пустяковые юридические знания, знали то, что было им выгодно.

— Рабы - это не люди, а собственность своих хозяев, верно? Думаю, это можно расценивать как серьезное неуважение с вашей стороны. Я прав, Септимус?

— Все так, как вы сказали. Даже если молодой хозяин возьмет рабыню прямо сейчас и убьет ее, ничего не поделаешь. Если противоположная сторона не согласится, молодой господин может потребовать от них денежную компенсацию.

Септимус спокойно кивнул, и выражение лица мужчины исказилось.

Не так-то просто было получить рабынь-женщин, которые были бы красивы и девственны. Поэтому мужчина был готов пойти на суд, если потребуется.

— Итак... Благородный господин, вы хотите сказать, что рабыня была грубой, поэтому я должен отдать ее вам?

— Да. Я заберу ее и заставлю ее саму заплатить за неуважение. Я заплачу тебе столько, сколько ты потратил на ее покупку. Тогда у тебя не будет никаких претензий, не так ли?

Не могло быть идиота, который просто отдаст ее, когда его об этом просят.

Мужчина был уверен, что если он обучит девушку еще один или два года, то получит более чем вдвое больше потраченных денег.

У него не хватало духу отдать это ходячее золото по первоначальной цене.

— Я могу подумать об этом, если цена будет вдвое больше, но я не могу просто взять и отдать ее.

— Думаю, вы ошибаетесь, но я не буду покупать у вас товар. В любом случае, я собираюсь избавиться от раба, который проявил неуважение ко мне.

— Благородный господин, почему вы так долго говорите об этом? Почему бы нам просто не пойти своими путями...

Благодаря памяти Маркуса, Чжэ Хун хорошо знал, как вести себя с подобными людьми.

— Даже если я стану достаточно великодушным, чтобы с удовольствием пропустить мимо ушей твою дерзость, могут случиться вещи, которые не будут иметь ко мне никакого отношения... Странные несчастья могут постигнуть тебя в будущем, когда ты будешь продолжать свой бизнес в Риме; могут возникнуть мелкие проблемы, например, ты не сможешь найти покупателей или пожарные не смогут потушить пожар неизвестного происхождения.

Лицо мужчины стало совершенно белым. Это была очевидная угроза. Но это не означало, что он мог что-то сделать прямо сейчас.

Физически, по сравнению с таким юнцом, как Чжэ Хун, мужчина был непомерно силен, но политически и финансово, по сравнению с обычным работником, Чжэ Хун, старший сын самого богатого человека Рима, обладал гораздо большей властью.

Мужчина догадывался, что он полностью захвачен этим странным мальчиком-аристократом.

Даже если рабов передадут сюда, позже они могут попасть в какую-нибудь другую переделку.

Он должен был выглядеть так, как будто и сам не был покладистым человеком.

— Сейчас, подождите минутку! Я не знаю, к какой знатной семье ты принадлежишь, но у меня тоже есть аристократы, с которыми я имею дело. Некоторые из них занимают места в Сенате. Если они не могут получить от меня рабынь, им тоже не по себе. Я просто хочу сказать, что не уверен, что они тогда будут делать.

Чжэ Хун не придавал значения словам мужчины и холодно усмехнулся.

— Слыша это, мне искренне интересно. Примут ли сенаторы, ведущие с тобой дела, твою сторону, а не сторону семьи Красса? Может, проведем эксперимент?

'Эй, Красс?'

Рот мужчины был так широко открыт, что больше не мог быть.

Семья Красса была самой богатой семьей в истории Рима, о которой знали все простые римляне.

В частности, те, кто не занимался столь яркой работой, как работоторговцы, ясно помнили темную сторону Красса, когда он накапливал богатство; Красс изначально был военачальником при Сулле, который установил диктатуру железной крови, чтобы укрепить власть сената.

Огромные богатства, полученные в результате тщательной чистки противников Суллы, стали основой для формирования богатства Красса.

Поговаривали, что в это время даже Сулла выражал свое неодобрение тем, как тщательно, не жалея крови и слез, искоренялась оппозиция.

В любом случае, любой из самых известных учеников ныне покойного Суллы назвал бы Помпея первым, а Красса вторым.

Был еще Лукулл, который в этом году был избран консулом, но влияние Красса как самого богатого человека в Риме было немного больше.

Быть посредственным работоторговцем - не повод для гордости.

Все, что он мог делать, это лежать плашмя и молиться.

— О, молодой господин. Я не узнал вас и совершил ошибку. Естественно, вы должны взять и наказать раба, который испачкал вашу лодыжку! Конечно, я должен отдать его вам, я действительно не имею никаких претензий! Я даже благодарен.

— Правда? Я рад, что у нас есть взаимопонимание. Как хорошо, что конфликт разрешился таким взаимовыгодным образом. Я заплачу деньги завтра.

— Правильно. Хе-хе, тогда я закончил.

Мужчина раболепно потер руки, закрыл дверь, словно убегая, и вошел внутрь.

Чжэ Хун даже не посмотрел на убегающего мужчину и подошел к лежащей девушке.

— Расслабься и закрой глаза. Отныне ты будешь под защитой моей тени.

Девушка, охваченная страхом и беспомощностью, медленно закрыла глаза от задумчивого голоса, долетевшего, как сон.

Септимус был удивлен, хотя внешне он этого не показывал.

Он никогда раньше не видел, чтобы Маркус вел себя подобным образом.

Если уж классифицировать, то Маркус был на стороне избиения рабов до смерти, а не на стороне их спасения.

Поэтому он задал очевидный вопрос.

— Ты планируешь лишить ее девственности сейчас?

— Ты с ума сошел? Я что, педофил?

— Да? Педо?

— Это значит, что я не педофил.

Септимус все еще непонимающе смотрел на него.

Секс с маленькой девочкой в Риме не был особенно предосудительным.

<http://tl.rulate.ru/book/88313/2841341>